

У ФИЛИАЛА

ДВЛ

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
НАУЧНЫЙ
и
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛЪ

№ 2

1917 г.

Цѣна 55 коп.

МОСКВА

ДѢЛО

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ.

№ 2 — 1917 г.

Цѣна 55 коп.

МОСКВА.

СОДЕРЖАНІЕ:

	<i>Стр.</i>
В. Левицкій. Изъ идеологіи соціалистическаго имперіализма (<i>окончаніе</i>)	3
К. Ловатской. Налоговая система мѣстныхъ самоуправленій. <i>Часть 2. Прямые налоги городовъ и земствъ</i>	13
Эд. Бернштейнъ. Жанъ Жоресъ, интернаціоналистъ и патриотъ (<i>перев. съ нѣмецк.</i>)	23
Ортодоксъ. Г. В. Плехановъ (<i>къ юбилею</i>)	33
П. Саломатинъ. <i>Родныя картины</i> . Культурный ростъ деревни	45
М. Х. Со съѣзда союза рабочихъ кооперативовъ.	53
Гр. Петровичъ. <i>Соціально-политическое обозрѣніе: Въ рабочей толпѣ</i>	59
А. Потресовъ. <i>Замѣтки публициста: 1) Одинъ изъ немногихъ (къ юбилею К. К. Арсеньева); 2) О мирѣ, мирныхъ предложеніяхъ и мирныхъ программахъ (окончаніе)</i>	63
<i>Иностранная хроника</i>	73
<i>Библиографія</i>	76
<i>Отъ редакціи</i>	80
<i>Объявленія</i>	—

го конгресса Интернаціонала, который могъ бы опредѣлить характеръ и отмѣрить мѣру жертвъ, падающихъ на каждую сторону и этимъ облегчить рѣшеніе. Тѣмъ болѣе важно имѣть сорватниковъ и посредниковъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, которыя обладали бы стремленіями и широкимъ политическимъ кругозоромъ Жана Жореса, величіемъ его души и были бы свободны отъ націонализма. Пусть воспоминаніе о великомъ покойникѣ будетъ жить въ тѣхъ, кому придется стоять передъ этой великой задачей и будетъ наполнять ихъ его духомъ.

Г. В. Плехановъ.

(Къ юбилею).

I.

Въ замѣчательномъ „Философическомъ письмѣ“ Чаадаевъ писалъ: „По нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединить въ себѣ два великія начала разумнія: воображеніе и разсудокъ; должны бы возмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не приобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумнія и исказили все, что сообщало намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей; ни одной полезной мысли не возрасло на бесплодной нашей почвѣ, ни одной великой истины не возникло изъ среды насъ. Мы ничего не выдумали сами и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и бесполезную роскошь“. Такъ печально и такъ безнадежно звучитъ суровый приговоръ, произнесенный надъ русской исторической дѣйствительностью однимъ изъ крупнѣйшихъ умовъ русской земли.

Честное и смѣлое мышленіе, вооруженное результатами европейской науки и просвѣщенія, показало Чаадаеву ясно и отчетливо, что русская исторія бѣдна внутреннимъ содержаніемъ, что въ ходѣ ея развитія не было великихъ драматическихъ потрясеній, которыя переживались западно-европейскими государствами по пути своего величественнаго шествія впередъ, осуществлявшими, говоря словами Гегеля, прогрессъ въ сознаніи свободы.

Вдохновленный системой Шеллинга, Чаадаевъ старается объ-

яснить причину русской отсталости при помощи мистических элементов философии немецкаго мыслителя. Россія представляеть собою „пробѣлъ въ порядкѣ разумнiя“ благодаря ея религиозной обособленности. Универсальный католицизмъ, служившій, съ точки зрѣнiя Чаадаева, объединяющимъ началомъ средневѣковаго міра и главнымъ двигателемъ духовной культуры — вотъ что не хватало и не хватаетъ Россіи для внутренняго ея развитiя и приобщенiя къ западно-европейской цивилизаціи.

Проповѣдуя религиозную идею какъ спасительное начало она, эта идея, врядъ ли могла дать проповѣднику, поклоннику Эпикуру, полное, психологическое и интеллектуальное удовлетвореніе. Но какъ бы ни обстояло дѣло съ состоятельностью найденнаго принципа философіи, исторіи проблема вѣся общемъ отвлеченномъ видѣ была теоретически поставлена впервые. „Философическое письмо“, которое по остроумному замѣчанію Г. В. Плеханова, „сдѣлало для развитiя нашей мысли безконечно больше, чѣмъ сдѣлаетъ цѣлыми кубическими саженьями своихъ сочиненій иной трудолюбивый изслѣдователь Россіи „по даннымъ земской статистики“, указывало съ полной отчетливостью общее направленіе, по которому должна слѣдовать русская общественная мысль. Масштабомъ и критеріемъ культуры и гражданственности были признаны культура и гражданственность передовыхъ странъ западной Европы. Прогрессъ этихъ странъ совершается по общему закону, уклоненіе отъ котораго не является преимуществомъ, плюсомъ, а, напротивъ, составляетъ „пробѣлъ въ порядкѣ разумнiя“. Пресловутая самобытность, это азіатское наслѣдіе, на которомъ славянофилы, также опираясь на Шеллинга и даже на Гегеля, сооружали свою вселенскую утопію, подверглась рѣшительному и безпощадному осужденію.

Однако, концепція Чаадаева, совершенно справедливая въ смыслѣ общаго, отвлеченнаго опредѣленiя русской проблемы и являющаяся именно благодаря этому общему опредѣленію исходнымъ началомъ сознательной общественной русской мысли, конкретно не давала и не могла дать никакихъ практическихъ указаній вслѣдствіе своего идеалистическаго, точнѣе религиозно-мистическаго, содержанiя.

Конкретно, практически задача приобщенiя русской дѣйствительности къ западно-европейской культурѣ была поставлена декабристами. Декабристы, исходя изъ политическихъ основъ, сознательно стремились къ тому, чтобы приблизить русскій общественно-политическій порядокъ къ западно-европейскому провозглашеніемъ гражданской свободы и необходимыхъ соотвѣствующихъ государственныхъ учрежденій. Отмѣна крѣпостного права являлась одной изъ сторонъ задуманнаго ими переворота. Въ своихъ политическихъ стремленiяхъ и надеждахъ поднять свое отечество на высоту западно-европейской культуры нѣкоторые изъ нихъ не отступали передъ мыслью установить въ Россіи республиканскій порядокъ.

Но смѣлая, героическая попытка декабристовъ, положившая историческое начало русскому освободительному движенію, не оста-

вила послѣ себя никакой организаціи, подобно тому, какъ не основалъ школы Чаадаевъ.

Такія свѣтоточія явленія на общемъ фонѣ крѣпостной русской дѣйствительности сильно напоминаютъ собою картину извѣстнаго швейцарскаго художника Годлера, на которой среди огромной груды спящихъ человѣческихъ тѣлъ стоитъ одинъ проснувшійся. Все окружающее спитъ глубокимъ, непробуднымъ, мертвымъ сномъ, нѣтъ ни признака сознанія, а тотъ, который проснулся, оглядывается съ жуткой нерѣшительностью, явно спрашивая себя: а не лучше ли и самому уснуть!? Фактическимъ подтвержденіемъ основательности этого сравненія могутъ служить слѣдующія строки изъ дневника Герцена: „сегодня я читалъ какую-то статью о „Мертвыхъ Душахъ“ въ „Отеч. Записк.“, тамъ приложены отрывки. Между прочимъ, русскій пейзажъ (зимняя и лѣтняя дорога); перечитываніе строкъ задушило меня какой-то безвыходной грустью. эта степь—Русь—такъ живо представилась мнѣ, современный вопросъ такъ болѣзненно повторялся, что я готовъ былъ рыдать. Дологъ сонъ, тяжель. За что мы проснулись — спать бы себѣ, спать, какъ все около!..“ Все спало около и пробужденіе казалось, повидимому, минутами тяжелой карой, въ особенности тогда, когда проснувшійся оказался въ далекой Сибири.. Но лучшіе русскіе люди мужественно и самоотверженно несли свой крестъ гражданскаго одиночества, не переставая искать путей и способовъ для воздѣйствія на спящую Россію.

Тридцатые и сороковые годы, несмотря на нашу хроническую реакцію сверху, знаменуютъ собою эпоху, сравнительно богатую философскими и общественно-политическими идеями, оказавшими несомнѣнное вліяніе на освобожденіе крестьянъ. Главный вождь этого періода Вѣлинскій пережилъ, быть можетъ, какъ никто другой въ исторіи передовой мысли, великую и страшную трагедію, основой, сюжетомъ которой была все та же пропасть между передовыми идеалами, шедшими къ намъ изъ западной Европы, и мертвой русской дѣйствительностью. Страстно влюбленный въ лучшія идеи и свободу культурнаго запада и не видя кругомъ реальныхъ условій для ихъ осуществленія, Вѣлинскій становится то на одну, то на другую сторону „соціальной антиноміи“. То его увлекаетъ философія Фихте, согласно которой идеалы признаются доподлинной дѣйствительностью, а доподлинная дѣйствительность иллюзіей, то онъ находитъ успокоеніе въ одностороннемъ истолкованіи формулы Гегеля будто все существующее разумно, т.-е. фатально необходимо. Въ первомъ случаѣ русская дѣйствительность была сведена при помощи философіи Фихте на степень иллюзіи во имя торжества дорогихъ идеаловъ, а во второмъ, наоборотъ, идеалы на основаніи философіи Гегеля были принесены въ жертву для примиренія съ дѣйствительностью, которая начинаетъ казаться гениальному критику разумной во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, безъ всякаго исключенія. Найти синтезъ, единство, плодотворное согласованіе перенесенной къ намъ западно-европейской идеологіи съ отсталыми соціально-политическими отношеніями очевидно было въ то время невоз-

можно, если его не могъ открыть такой гениальный и творческій умъ, какимъ былъ Вѣлинскій ¹⁾.

Герценъ, выступившій на историческую арену въ ту же эпоху, ищетъ, подобно Вѣлинскому, страстно и съ присущей его бурному темпераменту эмоціональной тревогой разрѣшенія все той же „соціальной антиноміи“. По существу публицистъ-художникъ, Герценъ, несмотря на свой большой обобщающій умъ и истинную любовь къ единству философской мысли, былъ менѣе философской натурой, нежели Вѣлинскій, которому, по свидѣтельству Тургенева, казалось весьма страннымъ приступить къ обѣду, разъ не законченъ споръ о бытіи бога. Знаменитый авторъ „Былого и думъ“ былъ прирожденнымъ общественнымъ дѣятелемъ, съ большимъ уклономъ въ сторону широкой, живой общественной дѣятельности. Быть можетъ отчасти—говорю отчасти, такъ какъ, кромѣ субъективнаго момента, играла, безъ сомнѣнія, роль и объективная обстановка, разсмотрѣнію которой не мѣсто въ этомъ бѣгломъ предисловіи—эта именно черта и послужила главной побудительной причиной, почему Герценъ въ своихъ исканіяхъ разрѣшенія указанной антиноміи останавливается на эклектическомъ компромиссѣ—правда для того времени весьма оригинальномъ—между теоріей самобытности славянофиловъ и коммунистическими идеалами западно-европейскихъ утопистовъ.

Уже въ 50-хъ годахъ снѣ ставить вопросъ, должна ли русская исторія въ ходѣ своего будущаго культурнаго развитія повторить всѣ стадіи, пройденныя западно-европейскими государствами, или же въ нѣдрахъ русской дѣйствительности кроются элементы, дѣлающіе излишнимъ подобное повтореніе. И вопросъ былъ рѣшенъ въ желательномъ направленіи. Россія можетъ избѣжать капиталистическаго періода и ея жизнь можетъ пойти по инымъ законамъ. Община составляетъ связующее звено, мостъ, по которому русскій народъ, воспитанный на коллективной собственности, въ своемъ общинномъ быту, можетъ непосредственно перейти къ социализму.

Эта привлекательная, заманчивая теорія, ставшая впоследствии главной теоретической основой активнаго народничества, доказывалась въ шестидесятыхъ годахъ Чернышевскимъ съ большою обстоятельностью и философскимъ остроуміемъ ²⁾.

Согласно этой самобытной теоріи, правовой гражданскій порядокъ капиталистическаго государства разсматривался исключительно, какъ орудіе въ рукахъ буржуазіи для эксплуатаціи угнетенныхъ массъ, а борьба за политическую свободу считалась прямой измѣной народу. Конечнымъ выводомъ изъ этихъ построеній былъ тотъ, что въ Россіи благодаря сохранившейся поземельной общинѣ, соціальныи и политическій переворотъ про-

¹⁾ Гениальный критикъ снова впоследствии, какъ извѣстно, сталъ горячимъ сторонникомъ Зап.-европейской культуры и государственности, но дѣйствительнаго синтеза онъ не нашелъ.

²⁾ Предвидѣнье возможности развитія капитализма не только не подсказываетъ знаменитому писателю пересмотръ своей оцѣнки поземельной общины, но, наоборотъ, это предвидѣнье диктуетъ необходимость всѣми силами поддерживать общину во имя избѣжанія капитализма съ его „язвой пролетаріата“.

изойдутъ одновременно. Достиженіе такого радикальнаго переворота представлялось народникамъ дѣломъ болѣе или менѣе близкаго будущаго, такъ какъ субъектъ этого переворота, крестьянство, проникнуто инстинктивно, безсознательно социалистическими стремленіями.

Какъ бы ни разошлись враждовавшія между собою главныя направленія внутри активнаго народничества — „Впередовцы“, испытывавшіе на себѣ значительное вліяніе нѣмецкой социал-демократіи и относившіеся къ ея теоріи и практикѣ благосклонно, и „бунтари“, исповѣдывавшіе анархическую теорію Бакунина и Прудона, въ основныхъ предпосылкахъ и конечныхъ заключеніяхъ обѣ фракціи были совершенно солидарны. Исходной точкой оставалась, какъ для одной, такъ и другой фракціи, все та же поземельная община, а заключительнымъ аккордомъ полное и упорное отрицаніе желательности и цѣлесообразности борьбы за политическую свободу.

Поднявъ знамя политической борьбы и сообщивъ тѣмъ самымъ новый размахъ освободительному движенію, „Народная Воля“ сдѣлала рѣшительный шагъ впередъ. Тѣмъ не менѣе это новое направленіе въ нашемъ освободительномъ движеніи оставалось по своему теоретическому существу на почвѣ народничества. И съ точки зрѣнія „Народной Воли“ крестьянство остается единственной народной массой, въ средѣ которой безсознательно живутъ социалистическіе инстинкты, но массой, неспособной къ активной политической инициативѣ. Сообразно съ этимъ активная социалистическая интеллигенція беретъ на себя инициативу и, захвативъ политическую власть, передаетъ ее народу, который приступитъ къ дѣлу организаціи социалистическаго порядка. Проповѣдуемое народничествомъ совпаденіе политическаго и социальнаго переворота сохранилось, такимъ образомъ, *теоретически* въ головахъ народовольцевъ въ полной силѣ. Если формула народничества гласила „Все для народа и посредствомъ народа“, то формулой народовольцевъ являлось „Все для народа посредствомъ интеллигенціи“. И въ этомъ отношеніи „Народная Воля“ сдѣлала несомнѣнный шагъ назадъ въ сторону утопіи.

Но какъ бы ни обстояло дѣло съ теоретической послѣдовательностью, или, вѣрнѣе, непослѣдовательностью міросозерцанія „Народной Воли“, эта политическая организація развернула дѣятельность, которая показала и друзьямъ, и врагамъ свободы, что русская интеллигенція умѣетъ систематически, упорно, не отнавливаясь ни передъ какими жертвами, преслѣдовать высокія историческія цѣли.

Высшій, кульминаціонный пунктъ дѣятельности „Народной Воли“, выразившій собою крайнюю степень напряженія, былъ въ то же время—словно въ хорошо продуманномъ драматическомъ произведеніи—завершеніемъ драматическаго дѣйствія.

Надежды и упованія на положительный исходъ были безжалостно разбиты дѣйствительностью. Организація распалась и лишь въ крупныхъ городахъ ютились остатки пораженной арміи безъ вождей и безъ снарядовъ; всякая попытка создать новую орга-

низацию разрушалась въ самомъ зародышѣ. Реакція ползла со всѣхъ угловъ. Подобно тому, какъ послѣ грозы на поверхности земли появляется множество отвратительныхъ пресмыкающихся, на арену общественной жизни выступили всѣ ничтожныя реакціонныя силы, гордо поднявъ свою голову.

Но длительное историческое движеніе сдѣлало свое дѣло. „Нашъ „мыслящій пролетаріатъ“, писалъ Г. В. Плехановъ въ брошюрѣ „Соціализмъ и политическая борьба“, „сдѣлалъ уже очень много для освобожденія своей родины. Онъ распаталъ пробудилъ политическій интересъ въ обществѣ, занесъ сѣмя социалистической пропаганды въ среду нашего рабочаго класса“.

Совершенно естественно, что такое крупное историческое наслѣдство должно было найти себѣ достойнаго и щедро одареннаго природой преемника, который, исходя изъ критики прошедшаго и въ то же время не разрывая съ нимъ, открылъ бы новыя пути.

Такимъ именно новаторомъ явился Г. В. Плехановъ.

II.

Въ 1883 году выступила на широкую дорогу исторической жизни „Группа освобожденія труда“. Въ ея составъ, кромѣ Г. В. Плеханова, вошли хорошо извѣстные международной демократіи П. Б. Аксельродъ, Л. Г. Дейчъ и Вѣра Засуличъ ¹⁾.

Первымъ изданіемъ Группы Ос. Тр. была, какъ извѣстно, брошюра Г. В. Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба“.

Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи Г. В. Плехановъ обратился къ русской интеллигенціи и русскому рабочему классу съ новымъ словомъ въ полномъ историческомъ значеніи этого термина.

Всякій мыслящій, добросовѣстный и безпристрастный читатель, къ какому лагерю онъ бы не принадлежалъ, долженъ, читая эту замѣчательную работу, признать, что молодой авторъ прошелъ большую школу, что имъ продумано много думъ и прочитано много книгъ, что усвоенное и творчески приложенное имъ міросозерцаніе стоило ему не мало умственныхъ и душевныхъ усилий, что онъ вступалъ на новый путь осторожно, осмотрительно, скептически оглядываясь кругомъ и что, наконецъ, ему было очень тяжело разставаться съ дорогими ему народническими убѣжденіями. Въ предисловіи мы читаемъ: „Стремленіе работать *въ народъ* и для народа, увѣренность въ томъ, что „освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса“—эта *практическая* тенденція нашего народничества дорога мнѣ по прежнему. *Теоретическія* же его положенія, дѣйствительно, кажутся мнѣ во многихъ отношеніяхъ ошибочными. Годы пребыванія за-границей и внимательнаго изученія соціальнаго вопроса

¹⁾ Еще въ концѣ 80-хъ годовъ острили по поводу количественнаго состава этой русской марксистской организаціи, что ей не слѣдуетъ кататься на лодкѣ, т. е. несчастный случай можетъ пустить на дно всю марксистскую партію.

убѣдили меня, что торжество стихійнаго народнаго движенія, въ родѣ бунта Ст. Разина, или крестьянскихъ войнъ въ Германіи, не можетъ удовлетворить социальнo-политическихъ нуждъ современной Россіи, что старыя формы нашей народной жизни носили въ самихъ себѣ много зародышей своего разложенія, и что онѣ не могутъ „развиться въ высшую коммунистическую форму“ безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партіи“. Поэтому рядомъ съ стремленіемъ къ измѣненію политич. режима—заключалъ Плехановъ—русская активная интеллигенція должна стремиться, по крайней мѣрѣ къ выработкѣ элементовъ для созданія такой партіи въ будущемъ. Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ предисловія точно намѣчена главная тема работы.

Критика ведется на два фронта: противъ анархизма бакунистовъ, съ одной стороны, и бланкизма „Народной Воли“, съ другой. И то, и другое направление мысли имѣетъ ошибочное представленіе объ отношеніи экономіи къ политикѣ, обуславливающее собою ложные практическіе выводы. Русскіе анархисты народники полагаютъ, что социализмъ несомнѣстимъ съ вмѣшательствомъ въ политическую жизнь буржуазнаго государства, а русскій бланкизмъ видитъ, наоборотъ, въ захватѣ власти альфу и омегу всего социалистическаго движенія.

Корень этого заблужденія лежитъ въ ошибочномъ представленіи закона причинности.

Цѣлымъ рядомъ блестящихъ примѣровъ Г. В. Плехановъ, развивая взглядъ Энгельса на этотъ сложный предметъ, показываетъ, что научное разсмотрѣніе взаимоотношенія явленій не позволяетъ фиксировать причину и слѣдствіе, какъ опредѣленные, метафизическія неподвижныя категоріи. Въ сложныхъ процессахъ природы, а тѣмъ болѣе въ социальной жизни одно и то же явленіе можетъ быть и бываетъ то причиной, то слѣдствіемъ, въ зависимости отъ различныхъ условій среды. „По ученію классической экономіи, иллюстрируетъ авторъ эту мысль, высота заработной платы опредѣляется, въ среднемъ выводѣ, уровнемъ насущнѣйшихъ потребностей рабочаго. Значитъ, данная высота заработной платы есть *слѣдствіе* даннаго состоянія потребностей рабочаго. Но, со своей стороны, потребности эти могутъ повыситься лишь въ случаѣ повышенія заработной платы, потому что иначе и не было бы достаточной причины для измѣненія ихъ уровня. Слѣдовательно, данная высота заработной платы есть *причина* даннаго состоянія потребностей рабочаго. Изъ этого логическаго круга нельзя вырваться съ помощью школьныхъ категорій причины и слѣдствія. А мы будемъ попадать въ него на каждомъ шагѣ нашихъ соціологическихъ рассужденій, если забудемъ, „что причина и слѣдствіе суть понятія, имѣющія значеніе лишь въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ; но разъ мы рассматриваемъ этотъ случай въ его общей міровой связи, то причина и слѣдствіе совпадаютъ, ихъ противоположность исчезаетъ при созерцаніи всемірнаго взаимодействія, въ которомъ причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами и то, что теперь или

здѣсь, — слѣдствие, станетъ тамъ или тогда причиной и, наоборотъ“ (Изъ Антидюринга Энгельса).

Въ этомъ именно причинномъ взаимоотношеніи находится экономія къ политикѣ.

Эти теоретическія соображенія подтверждаются вслѣдъ затѣмъ эмпирическими фактами общественно-историческаго развитія, ясно показывающими, что вездѣ, гдѣ экономическій процессъ вызываетъ раздѣленіе общества на классы, — противорѣчіе экономическихъ интересовъ этихъ классовъ неизбѣжно приводило къ борьбѣ за политическое господство. Въ частности, буржуазія являетъ собою образецъ сознательной классовой, политической борьбы: „Ставя себя совершенно опредѣленныя, хотя современемъ и измѣняющіяся, социальна-экономическія цѣли, почерпая средства для своей дальнѣйшей борьбы изъ пріобрѣтенныхъ уже выгодъ своего матеріальнаго положенія, буржуазія не упустила ни одного случая дать правовое выраженіе достигнутымъ ею ступенямъ экономическаго прогресса и, наоборотъ, съ такимъ же искусствомъ пользовалась каждымъ своимъ политическимъ пріобрѣтеніемъ для новыхъ завоеваній въ области экономической жизни“. Тѣмъ же испытаннымъ путемъ долженъ идти рабочій классъ къ своей конечной цѣли и фактически въ передовыхъ странахъ Западной Европы, гдѣ капитализмъ достигъ внушительныхъ размѣровъ, онъ вступилъ на этотъ путь.

Благодаря своему экономическому и историческому положенію и всей непосредственно окружающей обстановкѣ, рабочій въ зародышѣ, инстинктивно, потенциально социалистъ, но это потенциальное состояніе не должно быть использовано для стихійныхъ вспышекъ, служащихъ лишь величайшимъ тормазомъ для цѣлесообразной организаціи массъ, а должно развиваться въ классовое политическое сознаніе.

Подвергая критикѣ анархическую теорію и тактику, Г. В. Плехановъ рисуетъ процессъ развитія и созрѣваніе сознанія и силы пролетаріата въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Они (рабочіе *Op.*) стремятся къ политическому господству, чтобы помочь себя путемъ измѣненія существующихъ социальныхъ отношеній и приспособленія общественнаго строя къ условіямъ своего собственнаго развитія и благосостоянія. Разумѣется, они тоже не вдругъ достигаютъ господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключаяющей въ умахъ противниковъ всякую мысль о сопротивленіи. Долгое время добиваются они лишь уступокъ, требуютъ лишь такихъ реформъ, которыя дали бы имъ не господство, а только возможность расти и созрѣвать для будущаго господства, реформъ, которыя удовлетворили бы самыя насущныя, самыя ближайшія ихъ требованія, и хоть немного расширили бы сферу ихъ вліянія на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдѣльные клочки непріятельской территоріи, угнетенный классъ пріобрѣтаетъ настойчивость, смѣлость и развитіе, необходимыя для рѣшительной битвы. Но разъ пріобрѣта

эти качества, онъ можетъ смотрѣть на своихъ противниковъ какъ на классъ, окончательно осужденный исторіей, онъ можетъ уже не сомнѣваться въ своей побѣдѣ“. *Конечный, завершающій пунктъ движенія есть только послѣдній актъ въ длинной драмѣ классово-вой борьбы*, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она дѣлается борьбой *политической*.

Такъ намѣчалъ Г. В. Плехановъ движеніе пролетаріата къ своей конечной цѣли, опредѣляя тѣмъ самымъ отношеніе программы минимумъ къ программѣ максимумъ. Сознательный пролетаріатъ ведетъ борьбу за социальную-политическія реформы, но реформы имъ отстаиваемыя отличаются отъ реформъ социаль-реформаторовъ тѣмъ, что каждая изъ нихъ должна быть согласована съ конечной цѣлью, составляя „ключекъ непріятельской территоріи“. Съ точки зрѣнія общей, цѣлостной программы рабочаго класса только тѣ реформы заслуживаютъ вниманія и борьбы, которыя имѣютъ своимъ ближайшимъ слѣдствіемъ демократизацію государства, улучшеніе экономическаго положенія рабочаго и которыя служатъ цементомъ для организаціи массъ и импульсомъ для развитія классоваго сознанія.

Критеріемъ, масштабомъ качества и значенія каждой является, такимъ образомъ, конечная цѣль.

Это пониманіе принциповъ марксистской тактики считалось марксистами первыхъ поколѣній чуть ли не аксіомой. Но увы! оказывается что и по сію пору эти научные тактическіе принципы, вытекающіе какъ дважды два четыре изъ матеріалистическаго объясненія исторіи, усвоены далеко не всеми дѣйствующими въ настоящее время марксистами; грубое, упрощенное анархическое мышленіе, лишенное чувства реальности и исторической перспективы и по этой же причинѣ неспособное къ правильной оцѣнкѣ даннаго историческаго момента, всегда готово видѣть во всякомъ измѣненіи социальную-политическую конъюнктуру прелюдію къ социальному перевороту.

Далѣе. Рядомъ и въ связи съ опредѣленіемъ отношенія экономической борьбы къ политической и программы минимумъ къ программѣ максимумъ, имѣющимъ общее значеніе, Г. В. Плехановъ намѣчаетъ русскую программу.

Въ противоположность народническимъ утопіямъ всѣхъ оттѣнковъ авторъ „Соціализма и политической борьбы“ дѣлаетъ своей исходной точкой несомнѣнный для него фактъ существованія въ Россіи капитализма и неизбежную необходимость его дальнѣйшаго развитія. Субъектъ капитализма-буржуазія будетъ вынуждена ходомъ вещей рано или поздно стать въ оппозиціонное отношеніе къ абсолютизму, такъ какъ буржуазный экономическій укладъ не можетъ развернуться въ надлежащемъ масштабѣ безъ гражданскихъ и политическихъ свободъ. Съ другой стороны растетъ количественно и качественно двойникъ буржуазіи—пролетаріатъ. Этотъ, по существу своему, классъ—новаторъ, сила котораго состоитъ въ его тѣсномъ сплоченіи и ясномъ классовомъ сознаніи своихъ историческихъ задачъ, нуждается для приобрѣте-

нія этой силы въ политической свободѣ не меньше, а можетъ и больше буржуазіи.

Передъ русскимъ пролетаріатомъ стоитъ, такимъ образомъ, двойная и въ высокой степени сложная задача. — Съ одной стороны, ему приходится вести классовую борьбу противъ буржуазіи, являясь по всей линіи ея антагонистомъ, а съ другой—онъ долженъ итти вмѣстѣ съ ней и оказывать ей поддержку, поскольку она становится въ оппозиціонное отношеніе къ абсолютизму. Послушаемъ теперь нашего автора: „Мы думаемъ, что единственно не фантастической цѣлью русскихъ социалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учреждений съ одной стороны и выработка элементовъ для образованія будущей *рабочей социалистической партіи* Россіи — съ другой. Они должны выставить требованіе демократической конституціи, которая вмѣстѣ съ „правами челоуѣка“ обезпечила бы рабочимъ права „гражданина“ и дала бы имъ путемъ всеобщаго избирательнаго права возможность активнаго участія въ политической жизни страны. Не пугая никого далекимъ пока „краснымъ призракомъ“, такая политическая программа вызвала бы къ нашей партіи сочувствіе всѣхъ, не принадлежащихъ къ сисеметическимъ противникамъ демократіи; вмѣстѣ съ социалистами подъ ней могли бы подписаться очень многіе представители нашего либерализма. И между тѣмъ какъ захватъ власти той или другой тайной революціонной организаціей всегда останется лишь дѣломъ этой организаціи и лицъ, посвященныхъ въ ея планы, агитація въ пользу названной программы была бы дѣломъ всего русскаго общества, въ которомъ она усиливала бы сознательное стремленіе къ политическому освобожденію“.

Тогда интересъ либераловъ дѣйствительно „заставили“ бы ихъ „вмѣстѣ“ съ социалистами дѣйствовать противъ бюрократіи, потому что либералы перестали бы встрѣчать въ ихъ изданіяхъ увѣренія въ томъ, что измѣненіе политическаго режима будетъ сигналомъ къ социальному перевороту въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ другая, менѣе пугливая и болѣе трезвая, часть либеральнаго общества перестала бы видѣть въ социалистахъ непрактичныхъ юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этотъ невыгодный для социалистовъ взглядъ уступилъ бы мѣсто уваженію общества не только къ ихъ героизму, но и къ ихъ политической зрѣлости. Постепенно это сочувствіе перешло бы въ активную поддержку или, что вѣроятнѣе, въ самостоятельное общественное движеніе,

. „Социалистическая партія играла бы въ этомъ освободительномъ движеніи весьма почетную и выгодную роль. Ея славное прошлое, ея самоотверженіе и энергія придали бы вѣсь ея требованіямъ, и она имѣла бы, по крайней мѣрѣ, шансы завоевать, такимъ образомъ, народу возможность политическаго развитія и воспитанія, а себѣ право открытаго обращенія къ нему съ своей проповѣдью и открытой организаціи его въ особую партію“.

Мы привели эту выдержку, несмотря на ея размѣры, во-пер-

выхъ, потому что мысли, въ ней высказанныя, ярко характеризуютъ дальновидный и творческій умъ молодого автора; во-вторыхъ этой выдержкой, какъ и выше приведенными цитатами, мы считаемъ полезнымъ напомнить нашему читателю основы первой программы Группы осв. труда—которой, замѣтимъ въ скобкахъ, никто изъ марксистовъ не ставилъ въ упрекъ оппортунизмъ, — исходя изъ того мудраго правила Гете:

„Man muss das Wahre immer wiederholen, weil auch der Irrthum um uns her immer wieder gepredigt wird“.

Приведенная выдержка отчетливо свидѣтельствуешь о томъ, до какой степени Г. В. Плехановъ зналъ психологію нашей народнической демократической интеллигенціи.

Русская демократическая интеллигенція, воспитавшаяся на западно-европейской идеологіи, сжившаяся съ увлекательной мечтой объ единовременномъ политическомъ переворотѣ, естественно теряла всякую связь съ прозаической, далеко отставшей русской дѣйствительностью. Рѣзкій контрастъ между идеалами и окружающей реальной средой, подпольная работа десятилѣтіями, ссылка, эмиграція, тюремное заключеніе, каторга—всѣ эти факторы изоляціи отрывали демократическую интеллигенцію отъ реальной жизни и ставили ее вѣѣ общества, по ту сторону его.

Чувствуя себя выше окружающаго тусклаго міра, являясь единственно активной протестующей силой, она не выработала въ себѣ необходимаго для общественнаго дѣятеля такта, гибкости политической мысли и умѣнья оказывать вліяніе на умѣренные общественные элементы и вести ихъ за собой.

Напротивъ того, долготѣвняя систематическая изоляція развила въ ней бойкотистскую психологію, догматическую неподвижность и прямолинейность поведенія.

Гордая своимъ критическимъ сознаніемъ, своими безчисленными жертвами, мученическимъ крестомъ, своими могилами и, наконецъ, результатами своей дѣятельности, она аристократически противопоставляла себя всему робкому, нерѣшительному либеральному обществу, разсматривая его, какъ ничтожную величину.

Такое противопоставленіе было и остается до сихъ поръ въ извѣстномъ смыслѣ вполне законнымъ явленіемъ. Но нравственное право на такое отношеніе шло и идетъ до сихъ поръ въ разрѣзъ съ политическимъ расчетомъ. Настойчиво рекомендуя демократическимъ элементамъ итти вмѣстѣ съ оппозиціонной буржуазіей, оказывать ей поддержку и вести ее за собою во имя политическаго освобожденія Россіи, Г. В. Плехановъ не строитъ себѣ никакихъ иллюзій относительно характера нашей буржуазіи. Ему извѣстно не менѣе, чѣмъ любому максималисту, что буржуазный правовой государственный порядокъ не будетъ аркадіей для рабочаго класса, что, овладѣвъ властью, буржуазія поведетъ войну противъ рабочаго класса и пуститъ въ ходъ всѣ свои матеріальные и правовые ресурсы. Но это предвидѣніе не должно вести къ вреднымъ, ошибочнымъ, задерживающимъ историческое движеніе выводамъ; это предвидѣніе подсказываетъ лишь необходимость организаціи массъ и развитія классового сознанія, которое растетъ

и крѣпнеть въ политической борьбѣ, при столкновеніи съ разнообразными общественными элементами. „Сама социалистическая партія, читаемъ мы въ той же брошюрѣ, завоевавши либеральной буржуазіи свободу слова и дѣйствія можетъ очутиться въ „исключительномъ“ положеніи, подобномъ положенію современной нѣмецкой социаль-демократіи. Въ политикѣ на благодарность вчерашнихъ союзниковъ и нынѣшнихъ враговъ можетъ рассчитывать лишь тотъ, кому не возможно рассчитывать на что-либо болѣе серьезное“.

Характеризуя господство буржуазіи, Марксъ остроумно замѣчаетъ, что лозунги Великой Французской революціи: Свобода, Равенство и Братство она—буржуазія—превратила въ артиллерию, кавалерию и пѣхоту. Но эта оцѣнка отнюдь не помѣшала Марксу зло и по заслугамъ высмѣивать „истинныхъ социалистовъ“ Германіи конца сороковыхъ годовъ, ставшихъ въ отрицательное, бойкотистское отношеніе къ борьбѣ нѣмецкой буржуазіи противъ абсолютизма и проповѣдовавшихъ народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть.

Такая двойственная оцѣнка роли буржуазіи не была, конечно, логическимъ противорѣчіемъ, а опредѣлялась діалектическимъ отношеніемъ къ противорѣчивой дѣйствительности.

Усвоивъ съ изумительной тонкостью діалектической методъ и творчески примѣнивъ его къ анализу русской дѣйствительности, шагнувшей въ социально-экономическомъ отношеніи далеко впередъ не только со времени Чаадаева и Бѣлинскаго, но и со времени Чернышевскаго, Плеханову удалось найти разрѣшеніе „соціальной антиноміи“.

Брошюра „Социализмъ и политическая борьба“, шедшая въ разрѣзъ со всѣми народническими традиціями, привычнымъ способомъ социаль-политическаго мышленія и чувствованія 70 тѣхъ годовъ вызвала бурю негодованія.

Въ литературѣ противъ нея выступили Петръ Лавровичъ Лавровъ, посвятивъ ей рецензію, и Левъ Тихомировъ статью подъ заглавіемъ: „Чего намъ ждать отъ революціи“?

Къ первой части брошюры тамъ, гдѣ изложены основныя положенія научнаго социализма, Петръ Лавровичъ Лавровъ, являясь поклонникомъ Маркса, относился весьма благосклонно, даже похвалилъ автора за блестящее изложеніе.

Но другую оцѣнку вызвала вторая часть, т.-е. намѣченная новая программа дѣятельности и ея обоснованіе. „Группа Освобожденіе труда“—полагалъ Лавровъ—врядъ ли имѣла нравственное право на самостоятельное выступленіе, такъ какъ своимъ существованіемъ она внесетъ элементъ дезорганизаціи въ и безъ того распыленную социалистическую среду.

Впрочемъ, ѣдко замѣчаетъ Лавровъ, сильнаго опасенія эта группа не внушаетъ, т. к. у нея нѣтъ никакихъ шансовъ на успѣхъ въ будущемъ ¹⁾.

¹⁾ Не имѣя подъ рукою „Вѣстника Народной Воли“, гдѣ была напечатана указанная рецензія, мы воспроизводимъ ея содержаніе на память.

Такой прогноз со стороны осторожного П. Лаврова, который обычно съ радостью привѣтствовалъ всякую оппозицію, поучителенъ во многихъ отношеніяхъ, но прежде всего онъ внятно и убѣдительно показываетъ степень смѣлости творческой мысли новатора.

Въ отвѣтъ Петру Лавровичу Лаврову и Льву Тихомирову послѣдовали „Наши Разногласія“.

Съ этой полемики мы, съ разрѣшенія читателя, начнемъ слѣдующій очеркъ.

Ортодоксъ.

Родныя картины.

Культурный ростъ деревни.

Лѣтъ десять назадъ положеніе заброшенной въ деревню интеллигенціи было очень незавидно. Раскиданные на десятокъ верстъ одинъ отъ другого „культурные одиночки“ глохли, спивались, ибо кругомъ „людей не было“.

— Здѣсь совершенно никого нѣтъ, словомъ перемолвиться не съ кѣмъ—именно такъ и говорили про свою мѣстность такіе одиночки, хотя бы она была довольно густо населена... крестьянами.

Крестьяне для интеллигента въ счетъ не шли, съ ними было мало точекъ соприкосновенія, да и сама деревня, какъ и во времена Некрасова, спала „непробуднымъ сномъ“, сжимая пятерней штофъ „очищенной“.

Уже и въ то время предпринимались попытки разбудить деревню: интеллигенція стремилась нести знаніе въ послѣднюю и закладывала фундаментъ вѣшкольнаго образованія. Но попытки эти были разрозненны, слабы и не отличались долговѣчностью, а потому и не давали замѣтныхъ результатовъ.

Неудачи попытокъ интеллигенціи неизмѣнно сопровождались тоскливымъ восклицаніемъ:

— Людей нѣтъ!

Народъ не шелъ къ интеллигенціи и не понималъ ея усилій принести свѣтъ въ его темную жизнь, даже сопротивлялся мѣрамъ къ своему пробужденію, иногда уничтожалъ грубо и жестоко то, что должно было украсить и осмыслить почти растительное прозябаніе.

Интеллигенція была бессильна поэтому пустить корни въ деревнѣ, прочно обосновать свои попытки, претворить ихъ въ постоянныя учрежденія.

Вѣшкольное образованіе велось тогда чаще всего въ зависимости отъ наличія достаточнаго количества „живыхъ людей“, сумѣвшихъ сгруппировать кружокъ близкихъ знакомыхъ, который и бралъ на себя добровольный и бесплатный трудъ просвѣщенія.